

*Чирков Максим Андреевич,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: mospil@mail.ru*

*Чистяков Максим Сергеевич,
Российский университет кооперации, г. Владимир
E-mail: shreyamax@mail.ru*

*Золкин Александр Леонидович,
Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики*

E-mail: alzolkin@list.ru

МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДЫ УБЕЖДАЮЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Эпоха постбиполярного мироустройства контрастирует с так называемыми традиционными классическими конфликтами, а также с конфликтными проявлениями «холодной войны» [1, с. 178]. В этих условиях медиа в современных реалиях цифровых коммуникаций являются стратегией убеждающего информационного воздействия отдельных государств и объединений негосударственного формата – так называемым инструментарием «мягкой силы». Так, Юй Синьтянь, экс-президент Шанхайской академии международных исследований, под «мягкой силой» понимает влияние национальной культуры на международные отношения [2, с. 25].

Особую значимости в нарастании инерции эволюции Индустрии 4.0 приобретает развитие цифровых сообществ и виртуального цифрового пространства, в котором влияние «мягкой силы» на геополитику взаимоотношений государств возрастает в геометрической прогрессии. Общественно-политическая информация приобрела формат социальной активности «умной цифровой толпы». В политический процесс активно интегрируются социальные медиа, позволяющие не только активно потреблять определенный контент, но и быть активным участником воздействия на других индивидуумов посредством формирования особого информационного средового фона [3, с. 344]. Значительное влияние оказывают информационные ресурсы на психоэмоциональный фон развития подрастающего поколения, на становление системы мировоззренческих ценностей, взглядов и установок [4, с. 149]. Социальная и движущая сила кардинальных потрясений – молодежь в возрасте 18-35 лет [5, с. 400].

И.В. Радиков и Я.В. Лексютина приводят тезис, что в геополитических реалиях «мягкая сила» реализуется посредством насаждения извне определённых стандартов, утвержденных шаблонов поведения, которые должны реализовываться государствами на правительственном уровне во внешней и внутренней политике [6, с. 20]. Тем самым цифровые интернет-коммуникации в

быстроменяющихся условиях информационного потока и восприятия в экономическом и политическом пространстве порождают различные формы потребления убеждающего контента и особой среды политического воздействия. Цифровые элементы (интернет-коммуникаторы) приобретают все большую составную значимость в «мягкой силе» виртуального формирования общественного мнения, в коррекции системы ценностей, восприятия действий собственного правительства, системы потребностей, предпочтений и настроениях людей [7, с. 98].

Развитие геополитического сценария напряженности санкционного противостояния на постсоветском пространстве способствует росту неопределенности и ожидания, в котором не последнюю высокотехнологичную пропагандистскую роль играют средства медиа. Одной из такой технологией является фрейминг. Б.Н. Шестов под фреймингом понимает «реально существующие и активно функционирующие структурные элементы современных политико-культурных пространств, обладающие способностью мотивировать мышление и поведение субъектов политики» [8, с. 359]. Д. Шойфеле и Д. Тьюксберри полагают, что изучение фрейминга способствует получению информации о процессах, протекающих в СМИ, по описанию различных тем, а также их последующего восприятия обществом и формирования повестки дня в информационном поле [9, с. 14].

Цифровая стигматизация [10, с. 120] является вариацией проявления «мягкой силы» в информационном пространстве с задействованием коммуникаций интернет-технологий. Данный подход проявляется в многочисленных ярлыках и клише в «mainstream media», на платформах социальных коммуникаций, где, как правило, подобные ярлыки облачаются в хэштеги [7, с. 98], позволяющие дифференциально маркировать визави (события, явления, ситуации), что позволяет формировать количественную поддержку определенной аудитории. Хэштегирование является зарекомендовавшей себя оперативной технологией «клеимирования» своих оппонентов в безграничном пространстве «интернет-паутины», в котором эффект нанесения определённой дифференциальной окраски значительно усиливается и приобретает всевозможные вариации по мере тиражирования и транслирования преднамеренно искаженной информации.

Активно используется фейк-взброс и фейк-дискурс в качестве коммуникационной стратегии социально-политического манипулирования для искажения достоверной информации в целях стратегической корректировки действий противодействующей стороны. Так, по мнению Г.С. Мельника, новые медиа представляют собой эффективный инструмент воздействия на сознание масс в целях обеспечивающей тактики провокации протестных настроений на легитимный государственный строй [12, с. 132]. Стратегической целью новых медиа (медиа цифровой эпохи) являются революционные трансформации – резкое нивелирование государственной власти как таковой, что ведет к политическому проявлению властного кризиса – конфликту элит, консенсуальной пропасти при решении важнейших государственных вопросов в стратегии развития страны, вопросов, затрагивающих базовые ценности [13, с. 93].

Отметим в качестве антипода заявленной темы, что, напротив, прагматичное и рациональное использование социальных технологий приведет к возрастающему воспроизводству общественной «жизненной энергии» и совершенствованию социальных ценностей [14, с. 35], повышению качества жизни мирового социума [15, с. 97]. Краткий экскурс данной коллективной работы в тематику значения конвергенции СМИ и интернет-пространства как актора «мягкой силы» убеждающего политического влияния подтверждает многочисленные научные исследования о стратегической значимости практического воздействия медиа на состояние геополитического и геоэкономического фона мировой цивилизации [5, с. 400].

Необходимо изучение, анализ и систематизация постоянно совершенствующегося практического опыта применения медиа в технологиях «мягкой силы», в том числе и в качестве инструмента изменения стратегического вектора развития российского государства как мирового геополитического актора с многовековой историей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Подберезкин А.И., Чирков М.А., Чистяков М.С. Технологии «цветных революций». Инструмент смены «неудобных режимов»: генезис сетевой трансформации // Свободная мысль. – 2019. - № 3(1675). – С. 177-184.

2. Xuetong Y., Jin X. Zhongmei ruanshili bijiao // Xiandai guoji guanxi. [Comparison of Chinese and American soft power. Contemporary International Relations]. – 2008. - № 1. – P. 24-29 (in Chinese).

3. Володенков С.В. Политическая социология Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. - № 5. – С. 341-364.

4. Утюж А.С., Загорский В.А., Юмашев А.В. Оценка психоэмоционального статуса и анализ уровня тревожности у студентов первого курса медицинского университета / В сб.: Роль науки в развитии общества. сборник статей Международной научно-практической конференции, 18 марта 2016 года. – Уфа: Омега Сайнс, 2016. – С. 148-157.

5. Чистяков М.С. Социальная напряженность как искусственная форма политического манипулирования // Революция и современность: материалы науч.-практ. конф., 3 марта 2017 года. – Владимир: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2017. – С. 396-400.

6. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. - № 2. – С. 19-26.

7. Агеева А.В., Красноцветов Г.В. «Мягкая сила» в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий интернет-коммуникаций // Власть. – 2020. – Т. 28. - № 2. – С. 96-100.

8. Шестов Б.Н. Медийные технологии влияния на политическую культуру // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. - № 17 (3). – С. 358-364.

9. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models // *Journal of Communication*. 2007. - № 57 (1). – P. 9-20.

10. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // *Социологические исследования*. – 2018. – № 11. – С. 117-123.

11. Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://archive.mid.ru/nedostovernie-publikacii#main-content> (24.02.2022).

12. Мельник Г.С. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий // *Гуманитарный вектор*. – 2014. - № 3 (39). – С. 130-135.

13. Чистяков М.С. Трансформационные изменения революционной направленности // *Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Социально-политические кризисы в истории России»*. – Шадринск: ШГПУ, 2018. – С. 92-94.

14. Бойко Е.В., Дмитриев Н.Д., Ильченко С.В. Анализ использования социальных технологий в компании // *Эпомен*. – 2021. - № 52. – С. 33-40.

15. Рахмеева И.И., Золкин А.Л. Изменение содержания концепта «качество жизни» в цифровую эпоху / В сб. статей XII Международной научно-практической конференции «Менеджмент в социальных и экономических системах». – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. – С. 97-100.